

Б.Н. МИРОНОВ

Российский пролетариат начала XX века – революционный авангард, гегемон или маргинал?

Российские рабочие не смогли сыграть роль революционного авангарда и гегемона в революционном движении, потому что в силу ряда социальных, экономических, культурных и психологических факторов не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением. В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у рабочих сформировалось конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние фрустрации – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние, что часто проявлялось в агрессивном поведении. Как фрустрированные, малообразованные и малоразвитые люди они легко поддавались манипулированию и внушению, вовлекались в протестные политические движения, становясь легкой добычей разных политических и религиозных пророков, обещавших быстрое изменение жизни к лучшему.

Ключевые слова: российский пролетариат, рабочее движение, социальный протест, политический протест, Русская революция 1917 г., манипулирование общественным мнением, большевики, историография.

Только пролетариат... способен
быть вождем всех трудящихся
и эксплуатируемых масс.

В. Ленин

Дореволюционному российскому пролетариату в советской историографии уделялось первостепенное внимание. Написано тысячи книг, диссертаций, статей. Казалось, при таком интенсивном изучении тема могла быть если не исчерпана, то всесторонне и глубоко исследована. Однако этого не произошло из-за до предельной идеологизированности. Советские обществоведы следовали канонам марксистско-ленинской теории, в соответствии с которыми так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция была закономерной и необходимой, и тем самым оправданны все средства, включая массовый террор, использованные большевиками для победы. Конкретнее, требовалось доказать, что: 1) страна была капиталистически достаточно развитой и готовой в социально-экономическом отношении для проведения “социалистической революции” и последующих социалистических преобразований; 2) революция была пролетарской и социалистической по своему содержанию; 3) в ней пролетариату принадлежала роль авангарда трудящихся и гегемона; 4) рабочий класс обладал всеми необходимыми для этого качествами; 5) победа революции подтвердила на практике правильность марксистско-ленинского положения о том, что рабочий класс – главная движущая сила революционного преобразования мира. Решающими аргументами в пользу этой концепции

М и р о н о в Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. E-mail: bmironov@mail.wplus.net

нередко служили цитаты из трудов В. Ленина и других классиков марксизма [История ВКПб 1954, с. 140–143, 160–164; История КПСС 1960, с. 80–91, 119–121, 183–189, 194–201; История СССР 1968, с. 17–81, 317–323, 678–681; Рабочий... 1989, с. 5–17, 374–383].

Находясь под идеологическим и административным давлением, исследователи стремились любыми средствами завысить степень развития капитализма в стране и преувеличить силу, численность, сознательность и революционность “передового”, “героического” класса – гегемона трудящихся. Радикальный способ завышения численности рабочих состоял в объединении всех лиц наемного труда в единый класс пролетариев, что нельзя признать правильным. Многие работники, в особенности занятые в сфере услуг (слуги, приказчики, дворники, извозчики, портные, сапожники, продавцы, проститутки, артисты и т.д.), представляли специфические социальные группы, отличавшиеся по доходу, образу жизни, образованию и менталитету от промышленных рабочих; некоторые из них занимались в большей или меньшей мере умственным трудом и не идентифицировали себя с рабочими.

Низший управляющий персонал в промышленности, строительстве и на транспорте, несмотря на его рабочее происхождение, также вряд ли резонно объединять с пролетариями. Популярным способом повышения классовой сознательности и революционности пролетариев стало объединение их всех в единый класс и наделение качествами, присущими малочисленной группе “умственных, или интеллигентных рабочих”. В 1999 г. С. Тютюкин, известный исследователь истории пролетариата и революции, на заседании Ученого совета Института российской истории РАН справедливо указал на необъективность и предвзятую заданность советской историографии: “Совершенно очевидно то, что наш прежний подход страдал идеализацией. Рабочий класс из живых людей превращался в некую бронзовую фигуру, которая уже весьма отдаленно напоминала только исторические реалии конца XIX – начала XX в. Менять подходы обязательно нужно. Самое главное – этот подход должен быть элементарно более объективным, потому что то, что мы делали раньше в этой области, от исторической правды было весьма и весьма далеко” (цит. по [Лушкарева 2002, с. 103]).

Именно идеализация пролетариата и рабочего движения, гиперболизация его роли послужила, на мой взгляд, важнейшей причиной антирабочего поворота в историографии, продолжающегося, к сожалению, до сих пор. Несмотря на огромное советское научное наследие, в истории российского рабочего класса неясного намного больше, чем объясненного, его результаты во многом недостоверные и необъективные.

Кем же являлся российский пролетариат в конце XIX – начале XX в. – революционным авангардом, гегемоном или маргиналом? Какую роль он играл в революции 1917 г. – субъекта политического процесса или объекта манипуляции со стороны политиков? Прояснению этих вопросов и посвящена данная статья.

Численность, гендерный, возрастной и семейный состав промышленных рабочих и их профессионализация

Вопрос, можно ли рассматривать рабочих как особую сословную группу, спорен [Фельдман 2006, с. 301]. На мой взгляд, рабочих можно считать социальной или профессиональной группой, но не сословной, поскольку сословного статуса они по закону не имели: “звание” рабочего не приобреталось и не передавалось по наследству, а сословный состав рабочих был пестрым (см. табл. 1).

Промышленные рабочие как *профессиональная* группа появились в России XVII в. вместе с первыми мануфактурами. К 1861 г. число рабочих, занятых в крупной фабрично-заводской и горнозаводской промышленности (без транспорта), возросло до 810 тыс. В 1861–1916 гг. численность рабочих в империи (без учета Финляндии) увеличилась до 3 млн (см. [Рашина 1958, с. 62, 189–190; Народное... 1924, с. 132–133; Рабочий... 1982, с. 34–43, 245–255; Рабочий... 1989, с. 73–76, 152–177, 260–274]¹. Однако их доля

¹ Данные А. Рашина, которым я отдаю предпочтение, основаны на официальных сведениях. Советские же исследователи внесли в них поправки, на мой взгляд, преувеличивающие численность рабочих, занятых на крупных капиталистических предприятиях.

**Сословный состав рабочих Московской (без Москвы) губернии в 1879–1884 гг.
и Смоленской губернии в 1894–1895 гг.**

Сословные группы	муж.		жен.		оба пола	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крестьяне	64 608	84,55	30 204	92,25	94 812	86,86
Солдаты /солдатки	6530	8,55	733	2,24	7263	6,65
Мещане	5151	6,74	1787	5,46	6938	6,36
Дворяне	42	0,05	8	0,02	50	0,05
Духовенство	27	0,04	1	0,00	28	0,03
Питомцы воспитательных домов	14	0,02	6	0,02	20	0,02
Цеховые	13	0,02	0	0,00	13	0,01
Почетные граждане	10	0,01	1	0,00	11	0,01
Кантонисты	7	0,01	0	0,00	7	0,01
Иностранцы	4	0,01	1	0,00	5	0,00
Рабочие	4	0,01	0	0,00	4	0,00
Купцы	2	0,00	0	0,00	2	0,00
Прочие	2	0,00	0	0,00	2	0,00
<i>Итого</i>	<i>76 414</i>	<i>100,00</i>	<i>32 741</i>	<i>100,00</i>	<i>109 155</i>	<i>100,00</i>

Подсчитано по: [Санитарное... 1894; 1896; Сборник статистических сведений 1881–1888, 1890, 1893. Т. 3. Вып. 1–15; Т. 4, ч. 1, 2].

в самодеятельном населении всей страны возросла только с 1,9 до 3,8% и была незначительной, существенно уступая ведущим западным странам, где она только во второй половине XIX в. увеличилась в Великобритании (без Ирландии) – с 42 до 74%, во Франции – с 18 до 25%, в Германии с 7 до 39%, в США – с 18 до 25% [Мендельсон 1959, т. 2, с. 530, 568, 619, 620, 668; Historical Statistics... 1975, р. 8, 126, 134; Mitchell 1976, р. 20–24, 35–37, 41–42, 52–53, 155, 157, 163].

В пореформенное время происходила *профессионализация* российских рабочих, что проявлялось в росте доли постоянных и потомственных кадров, в увеличении стажа и квалификации, в ослаблении связи с земледелием и деревней. Но интенсивность этих процессов в советской историографии преувеличивалась. В 1914 г. доля потомственных кадровых рабочих в фабрично-заводской промышленности в целом по стране составляла менее 50%. Даже в 1929 г., за который имеются самые полные данные, доля кадровых рабочих во всей промышленности составляла 52% их общего числа [Рабочий... 1982, с. 73–76; Рабочий... 1989, с. 285–303; Труд в СССР 1930, с. 28–29].

Данные о связи промышленных рабочих с сельским хозяйством разнородны, так как зависели от способа их сбора, от анкеты, на которую отвечали рабочие, от региона и отрасли, наконец, от экономической конъюнктуры в момент исследования. Тенденция уменьшения связи рабочих с землей в советских трудах просматривается, но степень и темпы отрыва рабочих от сельского хозяйства противоречивы, и успехи пролетаризации не стоит преувеличивать. Профессиональная перепись 31 августа 1918 г., охватившая 983,8 тыс. (84% всех рабочих на дату переписи) из 31 великороссийских губерний, показала: до революции 1917 г. 31% рабочих имели в деревне свою землю или землю своей семьи, в том числе 21% вели свое хозяйство (подсчитано по [Фабрично-заводская... 1926; Статистический ежегодник 1921, с. 64–65]). Но эти оценки занижены по двум причинам. Во-первых, на момент переписи около 18% рабочих ушли в деревню [Народное... 1924, с. 132–133; Статистический сборник 1921, с. 38; Статистический ежегодник 1921, с. 64–65] от голода и революции и для участия в конфискации кулацкой и помещичьей земли. Вероятно, мигрировали те, у кого там остались родственники, семья, хозяйство, словом, кто в годы работы в промышленности не прерывали с деревней тесных отношений. Если учесть 18% ушедших как связанных с сельским

хозяйством, то получится: накануне революционных событий в 1917 г. 42% рабочих владели землей, в том числе 28% вели свое хозяйство. Во-вторых, в профессиональной переписи не участвовали рабочие Украины, Урала и Сибири, связанные с деревней намного теснее, чем в великороссийских губерниях. В 1886–1893 гг. из украинских губерний на сельскохозяйственные работы уходили около 55% всех рабочих, из южных степных – 76%, в то время как из попавших в перепись губерний – 11–24%.

Разумеется, средние цифры скрывали большое региональное и отраслевое разнообразие. Из Петербурга в 1910 г. 10% рабочих уходили на родину на летние работы, 16,5% рабочих в 1914 г. имели в деревне землю [Рашин 1958, с. 570; Крузе 1976, с. 145], из Москвы в 1912 г. – 25% [Грунт 1970, с. 100–101], из горнопромышленных предприятий Юга России в 1914 г. – от 25 до 50%, а горнозаводские рабочие Урала почти поголовно оставались связанными с землей в начале XX в. В 1897 г. в полиграфической промышленности число рабочих, имевших землю в деревне, составляло 70%, в металлообрабатывающей – 55, в деревообрабатывающей – 54% [Крузе 1976, с. 141, 149, 154]. Но везде значительная часть рабочих не забывала деревню, а кто с нею порвали, не утрачивали полностью крестьянскую закуску – для этого требуется примерно три поколения. Деревенское детство оставляло отпечаток, изгладить который для неграмотного или полуграмотного человека было практически невозможно.

Поддержанию тесных отношений с деревней способствовали два обстоятельства. Во-первых, большинство фабрично-заводских рабочих проживали в сельской местности, ибо там размещалось большинство предприятий, причем многие – сравнительно недалеко от дома [Погожев 1906, с. 254]. Во-вторых, главным источником пополнения рабочих кадров были крестьяне.

Крестьянское прошлое изживалось противоречиво, медленно и болезненно, а рост численности городского населения (рабочих и наемных работников) происходил почти на 90% за счет сельских мигрантов, так как естественный прирост у коренных горожан был отрицательным, а у потомственных рабочих – низким. За 1869–1910 гг. население Петербурга увеличилось на 969 тыс., в том числе за счет крестьян – на 872 тыс., или на 90%. Численность крестьянства в столице выросла в 5,3 раза, а общее число жителей – в 2,5 раза [Статистический ежегодник 1922, с. 342; Рашин 1958, с. 439]. В Москве в 1853–1854 гг. доля мигрантов среди 45,4 тыс. промышленных рабочих равнялась примерно 90%, в 1912 г. среди 165,2 тыс. – 91% [Казанцев 1976, с. 22–23, 67; Грунт 1970, с. 100–101]. То же наблюдалось во всех других крупных городах и промышленных центрах. При подобных условиях доля потомственных работников наемного труда и кадровых рабочих, порвавших связь с сельским хозяйством и деревней, не могла увеличиваться сколько-нибудь быстро.

Половозрастной и семейный состав рабочих во многом определял их психологическое самочувствие, преемственность поколений, воспроизводство населения и культуры. В конце XIX – начале XX в. во всей промышленности в целом доля работниц составляла 15% [Рашин 1958, с. 218]. Во время Первой мировой войны женщины стали активнее вовлекаться в промышленность, и к началу 1917 г. их доля среди рабочих поднялась до 40% [Рашин 1940, с. 236; Рабочий... 1982, с. 245–254; Рабочий... 1989, с. 275–277]. Возрастной профиль рабочих показывает: у обоих полов преобладали взрослые работники 17–39 лет (70%); доля лиц в возрасте 40–59 лет составила 12–17%, а в возрасте старше 59 лет – около 1–2% (во время войны она увеличилась на 1,5 процентных пункта). Костяк формировался из рабочих в возрасте 20–39 лет: на их долю приходится свыше половины – 55–59% [Фабрично-заводская... 1926, с. 11–125; Свод отчетов 1914, с. XLII–L; Динамика... 1929, с. 70–73; Рабочий... 1982, с. 34–42; Рабочий... 1989, с. 275–277].

Семейный состав рабочих сравнительно с другими сословиями отличался большей спецификой: в 1897 г. среди лиц в возрасте старше 15 лет многие не состояли в браке: почти половина (около 45%) мужчин и две трети (63%) женщин; доля семейных – соответственно, 53 и 29% и вдовых – 2 и 8%. Среди лиц брачного возраста семейных у крестьян насчитывалось в 1,2 раза, а у крестьянок – в 1,8 раза больше, чем

у рабочих. Поразительна численность незамужних работниц — 259 тыс., или 63% от их общего числа, притом, что имелось 1199 тыс. холостых мужчин [Численность и состав 1906, с. I—XX], то есть на каждую девицу приходилось почти пять холостяков! В последующие годы ситуация мало изменилась [Рабочий... 1982, с. 66—68]. Учитывая огромную склонность крестьян к семейной жизни, это свидетельствует о печальном факте: условий для нормальной по крестьянским стандартам семейной жизни у рабочих не было. Тут и плохие жилищные условия, и отсутствие дошкольных и школьных учреждений, и неразвитость государственной системы социального обеспечения. В деревне последняя также отсутствовала. Но там функции материального обеспечения и обслуживания людей в старости, при потере трудоспособности и кормильца, в случае болезни по обычному праву выполняли община, семья и родственники [Мионов 2014—2015, т. 2, с. 216—217].

В родной деревне жилище доставалось по наследству, да и построить новое не требовало больших средств. Фабрика в лучшем случае обеспечивала казармой, снять квартиру или построить собственный дом было сложно. Поэтому до середины XIX в. большинство рабочих жили бесплатно на предприятии, иногда прямо в цехе или мастерской, где работали. В пореформенный период в общероссийском масштабе процент промышленных рабочих, пользовавшихся “хозяйским жильем”, сокращался — до примерно 35% в 1897 г. и до 25% в 1918 г. [Кирьянов 1979, с. 230—232]. Добавлю: жилищные условия комфортом не отличались. В казармах на одного человека приходилось от 4 до 10 м³ или от 2 до 5 м² площади, в среднем близко к норме по стандартам того времени (в конце XIX—начале XX в. 9,7 м³ на одного человека признавались санитарно-гигиенической нормой кубатуры воздуха в “обывательских” домах и 7,4 м³ — в ночлежных. Поскольку высота помещения не должна была превышать 2,5 м, за норму площади помещения на человека принимались 3,8 м² [Кирьянов 1979, с. 243—244]). Как правило, отсутствовали водопровод и канализация [Сборник... 1893, т. 4, ч. 2, с. 211—253; Кирьянов 1979, с. 213—258]. Правда, к 1914 г. жилищные условия рабочих улучшились, особенно после 1905 г., однако для подавляющего большинства они оставались неудовлетворительными. Характерно, что на предприятиях, где жилищные условия улучшались, процент семейных рабочих возрастал [Кирьянов 1979, с. 220—221, 253—254, 257, 270—271; Рабочий... 1982, с. 98—106; Рабочий... 1989, с. 345—351].

Второе препятствие для семейной жизни — почти полное отсутствие дошкольных учреждений и недостаточное количество бесплатных школ. При неразвитости контрацепции семейная жизнь неминуемо и скоро приводила к рождению одного ребенка за другим. В деревне молодая семья жила с родителями и родственниками, которые могли присмотреть за маленькими детьми. Фабричную работницу рождение ребенка вынуждало оставить работу и перейти на иждивение мужа, а это создавало для большинства труднопреодолимые финансовые проблемы. Отсюда частое обращение работниц к абортам, которые были законодательно запрещены. Из-за невозможности или затруднительности семейной жизни появлялось большое число незаконно-рожденных детей, распространялись проституция и венерические болезни в промышленных центрах, где концентрировались молодые холостые мужчины.

Теперь сравним особенности в половозрастном и семейном составе рабочих и крестьян на 1897 г. (см. табл. 2). Важно учитывать, что неблагоприятный половозрастной и семейный составы рабочих имели далекоидущие социальные и политические последствия. Равновесие полов создает возможность найти супруга или сексуального партнера. “Если на каждого мужчину будет приходиться по две женщины или на каждую женщину двое мужчин, то из этого произойдут разврат и пренебрежение к детям; никакие нравственные убеждения не помогут горю”, — такую закономерность вывел известный исследователь рабочих 1860—1870-х гг. В. Берви [Берви-(Флеровский) 1938, с. 418]. Сбалансированная возрастная структура, когда представлены все возрастные группы в естественной пропорции, позволяет старшему поколению защищать молодежь и помогать ей, передавать жизненный опыт и одновременно держать ее под контролем. Важная роль в социуме принадлежит семье, которая, как известно,

позволяет удовлетворять сексуальную потребность, воспитывает, дисциплинирует и осуществляет социальный контроль, выполняет коммуникативную (обмен информацией и взаимодействие) функцию, дает взаимную эмоциональную, моральную и материальную поддержку, спасает от одиночества, обеспечивает домашним уютом и услугами, помогает отдохнуть и организовать досуг, позволяет заботиться о больных, детях и пожилых, поддерживает здоровье. Люди, живущие в семье, меньше болеют, дольше живут, менее подвержены алкоголизму, реже совершают самоубийства и преступления, имеют более высокий достаток сравнительно с одиночками. Словом, семья обеспечивает более комфортабельные условия жизни [Каминский 1987, с. 229–237]. Как же с этой точки зрения можно охарактеризовать российских рабочих?

Таблица 2

Половозрастной, семейный состав и грамотность крестьян и рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России в 1897 г.

Показатели	Рабочие			Крестьяне		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Средний возраст, лет	30,7	28,6	30,3	24,4	24,3	24,3
Средний возраст лиц в возрасте 12–70 лет, лет	30,7	28,6	30,3	32,9	32,5	32,7
Дети, 0–11 лет, %	1,5	2,7	1,7	33,4	32,4	32,9
Дети, 12–14 лет, %	5,9	10,7	7,1	7,0	6,7	6,9
Подростки, 15–16 лет, %	5,8	13,6	7,6	4,1	4,2	4,2
Молодежь – А, 17–29 лет, %	57,9	45,9	55,1	20,1	21,7	20,9
Молодежь – Б, 15–24 лет, %	36,0*	46,0*	40,0*	17,0	18,4	17,7
Зрелые, 30–39 лет, %	9,5	13,4	10,1	12,3	12,3	12,3
Зрелые, 40–59 лет, %	17,9	13,2	17,1	16,1	15,7	15,9
Пожилые, 60–69 лет, %	1,4	0,5	1,2	4,4	4,3	4,3
Старые, старше 69 лет, %	0,1	0,0	0,1	2,6	2,6	2,6
По полу, %	86,5	13,5	–	49,2	50,8	–
В браке в возрасте старше 15 лет, %	54,6	37,0	52,2	66,4	65,9	66,2
Холостые/незамужние, %	43,4	54,9	45,0	27,8	21,2	24,4
Вдовы, %	2,0*	8,1*	2,8*	5,7	12,8	9,3
Разведенные, %	–	–	–	0,1	0,1	0,1
Число детей на семью**	–	–	1,5–2,0	1,5–2,0	1,5–2,0	3–4
Грамотность, %	57,8	28,4	53,6	38,6	13,3	25,4

Подсчитано по: **Рабочие:** [Численность и состав 1906, с. I–XX]. **Крестьяне:** [Общий свод 1905, с. 16–22, 64–67].

* По данным о Владимирской, Московской и Смоленской губерниях.

** Фабрично-заводские рабочие Московской и Смоленской губерний в 1879–1895 гг.

В 1897 г. (как и в другие годы) *среди рабочих* существовало ненормальное соотношение полов: женщин насчитывалось в 5,7 раза меньше, чем мужчин [Рашин 1958, с. 218]. Это объяснялось тем, что спрос на мужские рабочие руки в промышленности, где требовались физическая сила и особые навыки, превышал спрос на женские. В то же время родители старались до замужества не отпускать дочерей от себя, а после замужества – мужья запрещали женам покидать дом. А без разрешения от родителей и мужей сельские власти не выдавали паспортов, на что женщины часто жаловались [Мионов 2014–2015, т. 1, с. 700]. Положение усугублялось тем, что и в городском населении в целом мужчины превосходили женщин по численности на 5 процентных

пунктов, а в крупных городах – на 10–14 пунктов: например, среди петербуржцев в 1897 г. процент мужчин – 55, а женщин – 45, среди москвичей – соответственно, 57 и 43 [Общий свод 1905, с. 50, 55]. Возрастной профиль нарушен в пользу молодежи (среди рабочих в возрасте 17–29 лет их было в 2,6 раза больше, а среди 15–24-летних в 2,3 раза больше, чем среди крестьян). Можно сказать, среди рабочих существовал так называемый “*молодежный бугор*”, рассматриваемый некоторыми социологами как важная предпосылка революционных выступлений. В то же время среди них имелось в 2,7 раза меньше детей и подростков и в 5,3 раза меньше пожилых и стариков (последние уходили доживать и умирать в деревню [Дементьев 1897, с. 246–249]), чем среди крестьян. Доля зрелых людей (30–59 лет) примерно одинакова – 27,2 против 28,2%. Процент состоящих в браке у рабочих в 1,2 раза меньше, у работниц – в 1,8 раза меньше, чем у крестьян, зато доля холостых и незамужних – в два раза больше. Отсюда, при равной с крестьянами рождаемости и смертности, в среднем на семью у них приходилось примерно в два раза меньше детей.

Итак, среди рабочих по сравнению с крестьянами имелось много молодых и одиноких мужчин и женщин, мало детей и пожилых, то есть существовал огромный гендерный дисбаланс. По грамотности они более чем в два раза превосходили крестьян. Кругозор рабочих был выше, потребности – больше, а условия жизни – хуже.

К 1913 г. по сравнению с концом XIX в. половозрастные диспропорции усилились. В целом по стране в составе промышленных рабочих мы находим около 1 млн молодых одиноких мужчин и около полумиллиона одиноких молодых женщин, по причине дисбаланса полов сексуально озабоченных, раздраженных и неудовлетворенных жизнью уже только потому, что в стране, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того, ни другого. В ситуации невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у человека рождается конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние – то, что называется в психологии фрустрацией, которая часто выливается в агрессивное поведение, направленное против действительного или мнимого его источника.

Фрустрированные люди легко вовлекаются в политические движения протестного характера, становясь легкой добычей разных политических и религиозных проповедников, сочувствующих им и обещающих быстрое изменение жизни к лучшему, если они будут следовать их принципам и призывам. Не случайно главную социальную базу анархизма составляли фабричные рабочие, деклассированные личности, люмпен-пролетарии, “*босяки*”, безработные и незрелая молодежь, а среди его последователей в период Первой русской революции преобладала малограмотная молодежь – средний возраст анархистов составлял 18–24 года, образование – не выше начального [Орчакова 2008, с. 134–164].

Высокая криминогенность, активное участие в забастовочном движении и низкий уровень дисциплины на предприятиях говорят о фрустрации рабочих более чем красноречиво. В конце XIX–начале XX в. с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении) рабочие находились на первом месте (11,2%), крестьяне-землепашцы, проживавшие в деревне, – на последнем (0,6%). На долю 5,2 млн рабочих, составлявших 4% населения, приходилось около 30% всех осужденных [Распределение... 1905, с. V; Миронов 2014–2015, т. 3, с. 133–134]. Рабочие, подавляющее число которых по сословной принадлежности являлись крестьянами, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в общине, что в значительной степени объяснялось фрустрированностью и маргинальностью их положения. По наблюдениям Д. Ньюбергер, очень трудно отличить хулиганов от рабочих во время забастовок и демонстраций в 1905–1906 и в 1912–1914 гг. [Neuberger 1993].

Высокая преступность и низкая дисциплина рабочих объяснялись их маргинальным социальным статусом – еще не пролетарий, но уже и не крестьянин-земледелец:

оторвавшись от привычных условий и принятых стандартов поведения в деревне, они с трудом адаптировались к фабричной и городской жизни, отсюда и антиобщественный характер поведения, и негативные психические состояния.

При этом, несмотря на тяжелые бытовые условия и психологические тяготы, миграция крестьян в города и рабочие поселки в пореформенное время возрастала. Главным образом, это было следствием аграрного перенаселения в Центральной России, а также более высоких заработков рабочих [Миронов 2014–2015, т. 3, с. 424–429].

Освобожденные от контроля общины, но не обладавшие достаточным самоконтролем, молодые люди легко давали волю агрессии и другим отрицательным эмоциям [Миронов 2013, с. 198–202; Полянская 2004, с. 145–177]. В 1901 г. шеф жандармов П. Святополк-Мирский писал: “В последние 3–4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горстка руководит всей остальной инертной массой рабочих” [Святополк-Мирский 1936, с. 62].

Таким образом, в социобиологическом и психологическом отношении российские рабочие представляли собой нездоровое сообщество – агрессивную и гремучую массу, готовую взорваться при неблагоприятных обстоятельствах. К тому же основная их часть концентрировалась в немногих промышленных центрах и особенно – в двух столицах, что делало их еще более социально опасными.

Рабочее движение в конце XIX – начале XX в. как отражение маргинальности пролетариев

Российское рабочее движение по масштабу и интенсивности не уступало западноевропейскому и американскому даже в мирные годы и заметно превосходило его в годы революции и войны. Обычно международные сравнения стачечного движения принимают во внимание только число стачек и забастовщиков. Но эти показатели недостаточны по трем причинам: а) из-за различия в численности рабочих в отдельных странах; б) ввиду игнорирования продолжительности стачек; в) вследствие специфики российской статистики забастовочного движения. Сведения о стачках в России касаются только частных фабричных заведений обрабатывающей промышленности, причем предприятия с численностью менее 20 человек учитывались выборочно [Варзар 1910, с. 36–37]. Западноевропейская и американская статистика охватывала все предприятия (без различия величины) и все отрасли, включая сельское хозяйство и сферу услуг, при этом в публикуемых сведениях стачки не дифференцируются по отраслям. Ввиду этого полной сопоставимости российской и зарубежной статистики забастовочного движения добиться невозможно.

В 1895–1904 гг. по сведениям массового комплексного источника “Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника” (далее – Хроника) произошло в четыре раза больше стачек и учтено в три раза больше бастующих сравнительно с данными фабричной инспекции, на отчеты которой обычно опирались историки рабочего класса. Прирост числа стачек оказался большим, чем число забастовщиков, из-за отсутствия сведений о том, сколько принимало участие в 21% стачек: за 1895–1904 гг. произошло 6986 стачек, а сведения о количестве бастующих имеются по 5792 стачкам [Трудовые... 2011, с. 69]. Столь разительное отличие данных Хроники и фабричной инспекции стало результатом более полного учета числа губерний, отраслей промышленности и предприятий: если раньше обычно принимались во внимание 58 губерний, то в Хронике в некоторых случаях – 81; кроме частных крупных (с числом рабочих свыше 20) фабрично-заводских предприятий, учтена казенная фабрично-заводская промышленность, крупная и мелкая, частная и казенная горнозаводская, мелкие ремесленные и кустарные заведения, транспорт, связь, строительство, а также мелкие служащие перчисленных отраслей, чернорабочие и поденщики [Трудовые... 2011, с. 59].

Число рабочих, обратившихся в фабричную инспекцию с единоличными или коллективными просьбами и жалобами на предпринимателей, и число стачек в 1895–1914 гг.

Год	Число рабочих*		Число охваченных стачками предприятий		Число участников		Число жалоб			Число жалобщиков	
	тыс.	абс.	%**	тыс.	%**	тыс.	%***	законных, %	тыс.	%****	
1895	1552,2	68	0,4	31,2	2	—	—	—	—	—	
1896	1520,6	118	0,6	29,5	1,9	—	—	—	—	—	
1897	1501,3	145	0,8	59,9	4	—	—	—	—	—	
1898	1505,2	215	1,1	43,2	2,9	—	—	—	—	—	
1899	651,2	189	0,9	57,5	8,8	—	—	—	—	—	
1900	1699,4	125	0,73	29,4	1,7	—	—	—	—	—	
1901	1710,7	164	0,96	32,2	1,9	19,1	1,1	58,5	70,6	4,1	
1902	1711,8	123	0,72	36,7	2,1	19,9	1,2	51,8	82,2	4,8	
1903	1766,9	550	3,21	86,8	4,9	18,3	1,0	48,9	71,6	4,1	
1904	1746,0	68	0,4	24,9	1,4	19,5	1,1	69,7	62,9	3,5	
1905	1772,7	13995	93,2	2863,2	161,5	22,7	1,3	65,0	190,1	10,7	
1906	1801,7	6114	42,2	1108,4	61,5	19,7	1,1	61,1	191,6	10,6	
1907	1889,7	3573	23,8	740,1	39,2	25,3	1,3	31,9	180,8	9,5	
1908	1882,9	892	5,9	176,1	9,4	25,2	1,3	45,7	128,7	6,8	
1909	1886,3	340	2,3	64,2	3,4	24,1	1,3	47,9	91,3	4,8	
1910	2005,3	222	1,4	46,6	2,3	25,1	1,2	36,8	88,5	4,4	
1911	2051,2	466	2,8	105,1	5,1	26,0	1,3	43,8****	108	5,3	
1912	2151,2	2032	11,7	725,5	33,7	28,5	1,3	42,1****	154	7,2	
1913	2319,6	2404	13,4	887,1	38,2	27,3	1,2	41,8****	145,6	6,3	
1914	1960,9	3534	25,2	1337,5	68,2	20,2	1,0	43,0****	115,7	6,8	

Источники: [Свод отчетов 1914, с. LV; Свод отчетов 1915, с. LXI, XLVIII].

* Число рабочих за 1895–1900 гг. интерполировано по проценту участников.

** К числу предприятий.

*** К числу рабочих.

**** Интерполировано по проценту поводов для жалоб и просьб, признанных основательными либо полностью или частично удовлетворенных.

В 1913 г. в учтенных Хроникой отраслях было занято около 10,4 млн человек или в 4,5 раза больше, чем в крупной частной обрабатывающей промышленности — 10,4 млн против 2,3 млн [Рашин 1940, с. 62–65]. По той же причине Хроника более полно, чем фабричная инспекция, учла стачечное движение во время войны: с 19 июля 1914 г. по 28 февраля 1917 г. число стачек во всех сферах производства она зафиксировала в 1,9 раза больше и в 1,6 раза больше бастующих [Кириянов 2005, с. 19–20, 202–203].

К сожалению, авторы, по-видимому, не имели сведений об общей численности рабочих (не стачечников, а именно рабочих), которые произвели зафиксированные ими стачки. Если бы можно было подсчитать по новым данным долю забастовщиков в общем числе рабочих и потери рабочих дней на 1000 рабочих, то *интенсивность* стачечной борьбы мало отличалась бы от той, которую показывают мои расчеты. Но если мои расчеты все же занижают накал стачечной борьбы, то общий вывод о большей вовлеченности и интенсивности забастовочного движения в России сравнительно с западными странами тем более верен.

1885–1913 гг. отмечены ростом рабочего движения, что рассматривается в историографии как показатель тяжелого и ухудшающего положения рабочих. В действительности 1885–1913 гг. отмечены повышением социальной защищенности, ростом зарплат и сокращением рабочего времени: под влиянием забастовочного движения постоянно совершенствовалось законодательство о труде [Рабочий... 1982, с. 107–121]. Неудовольствие своим положением рабочие выражали двумя главными

Экономические и политические стачки российских рабочих в 1895–1914 гг.
(в среднем в год)

Показатель	Ед. изм.	1895–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1911 гг.	1912–1914 гг.	1915–1916 гг.
Число рабочих	тыс.	1636,5	1821,4	1956,4	2143,9	2008,3
Экономические стачки*	абс.	177	4050	343	1079	886
	%**	100	51,3	71,6	40,6	80,0
Участники экономических стачек*	тыс.	43,1	864,2	69,7	304,1	483,3
	%***	2,6	47,4	3,6	14,2	24,1
Политические стачки	абс.	0	3844	137	1578	222
	%**	0	48,7	28,4	59,4	20,0
Участники политических стачек	тыс.	0	706,4	28,3	679,3	265,0
	%***	0	38,8	1,4	31,7	13,2
Участники политических стачек	%****	0	45,0	28,9	69,1	35,4
	абс.	177	7894	480	2657	1108
Общее число стачек	тыс.	43,1	1570,6	98,0	983,4	748,3
	%***	2,6	86,2	5,0	45,9	37,3

Подсчитано по [Варзар 1910, с. 46–48; Свод отчетов 1910, с. LI; Свод отчетов 1912, с. XCIII–XCIV; Свод отчетов 1914, с. LXXIX–LXXX; Свод отчетов 1915, с. LXVII, LXXI; Статистический сборник 1921, с. 37–38, 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163].

* Определено как разница между общим числом стачек (забастовщиков) и политическими стачками (забастовщиками).

** К числу всех стачек.

*** К числу рабочих.

**** К общему числу забастовщиков.

способами – жалобами и стачками: число тех и других возрастало (см. табл. 3). С 1901–1904 по 1912–1914 гг. среднее годовое число жалобщиков увеличивалось с 4,1 до 6,8%, а в годы революции 1905–1907 гг. достигло 10,3%. Поскольку жалобы носили исключительно экономический характер, петиционное движение отражает меру неудовлетворения экономическими условиями жизни, и она, как видим, росла. Сходную картину дает анализ *экономических* стачек (см. табл. 4).

С 1895–1904 по 1912–1914 гг. процент участников экономических стачек повысился на 11,6 пункта (с 2,6 до 14,2%), но в годы революции 1905–1907 гг. в них участвовали почти половина всех рабочих. Резкие скачки в общем числе забастовщиков в 1905–1908 и 1912–1914 гг. объясняются главным образом ростом политических стачек, провоцировавших пролетариев на экономические выступления. Но самое неожиданное состоялось в другом – рост числа как экономических, так и политических стачек происходил в годы подъема промышленности и зарплаты. При этом со стороны рабочих предъявлялись, как правило, завышенные требования, обгонявшие возможности экономики их удовлетворить. “Нет сомнения, что возрастание стачечного движения связано с общим благоприятным положением фабрично-заводской промышленности с весьма благоприятной конъюнктурой рынка”, – говорится в “Своде отчетов фабричных инспекторов за 1911 год” (с. LXXXVII). То же отмечается в “Своде... за 1913 год” (с. LXXIV). Эту первопричину стачечного движения – более быстрый рост потребностей рабочих по сравнению с медленным изменением к лучшему – Ю. Кирьянов отметил еще в 1979 г. [Кирьянов 1979, с. 271–273]. Пролетариев к выдвижению необоснованно завышенных экономических требований подталкивали все оппозиционные режиму партии, включая либералов, с целью использовать рабочее движение для давления на правительство.

В протестном движении рабочих в конце XIX – начале XX в. бросается в глаза наступательный, агрессивный стиль поведения. Их требования к предпринимателям

непрерывно росли, что хорошо проявилось в уменьшении доли основательных, или законных, жалоб, то есть соответствующих действовавшим в то время правилам и законам. В 1901–1904 гг. фабричные инспекторы признали 57% поводов основательными, в 1905–1907 гг. – 53%, а в 1912–1914 гг. – 42%, или на 15 процентных пунктов меньше, чем в 1901–1904 гг.

Рост недовольства и агрессивности рабочих отразился в снижении на предприятиях трудовой дисциплины. Она, как показывают данные о штрафах за 1901–1914 гг., колебалась по годам, находясь в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране точно так же, как забастовки и жалобы. Во время промышленного подъема, когда спрос на труд увеличивался и работу было найти нетрудно, дисциплина снижалась, и, наоборот, в годы экономического спада страх потерять работу вынуждал лучше соблюдать инструкции, наблюдалось уменьшение жалоб и претензий [Свод отчетов 1910, с. 21]. В годы подъема освободительного движения, когда все противники монархии активизировали свои действия, привлекая пролетариев для поддержания своих политических требований, трудовая дисциплина резко падала, во время революции 1905–1907 гг. – до самой низкой отметки; наоборот, в годы политической стабилизации – повышалась. С этой точки зрения российский пролетарий уступал своим западноевропейским коллегам. Отсюда возникала необходимость со стороны предпринимателей расходовать значительные средства на содержание органов контроля, увеличивая тем самым издержки производства (среди так называемой “рабочей интеллигенции” ситуация была иной) [Леонтьев 1912, с. 54; Клейнборг 1913, с. 22–45].

Еще одна особенность российского рабочего движения – высокая политизированность. На Западе пролетарии участвовали в стачках в основном ради защиты своих групповых экономических интересов; политикой занимались преимущественно профсоюзные боссы и политические партии, а граждане – только в свободное от работы время. Например, в США в 1895–1905 гг. политических забастовок вообще не наблюдалось: рабочих беспокоили зарплата, продолжительность трудового дня, работа профсоюзов и другие житейские дела (см. [Historical Statistics 1975, Pt. 1, p. 179]).

В России борьба за экономические интересы сочеталась с политическим движением, причем как до, так и после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г., создания парламента и легализации деятельности политических партий в 1905 г. В 1905–1907 гг. доля политических стачек составила 48,7%, а в 1912–1914 гг. – 59,4% от всех стачек. Другими словами, *российские пролетарии занимались политикой в рабочее время*, невзирая на связанные с этим большие убытки не только забастовщиков, но и предпринимателей. По подсчетам В. Варзара, такие потери промышленности за 14 лет (1895–1908 гг.) составили 190,2 млн руб. (примерно 1,5% ВВП России за 1900 г.) за счет недовыпущенной продукции, а проигрыш пролетариев – 25,4 млн из-за уменьшения заработка [Варзар 1910, с. 36–37].

Если причина экономических стачек нередко крылась в особенностях работы конкретных предприятий, то политические стачки, как правило, были результатом пропаганды и агитации со стороны. Хорошо известно: все просоциалистические партии использовали рабочее движение для давления на правительство; не пренебрегали этим средством и либералы. Именно поэтому всплеск забастовочного движения произошел именно в те годы, когда противостояние правительства и оппозиции достигало высокой отметки – в 1905–1907 и 1912–1914 гг. Вот, например, объяснение фабричными инспекторами поводов сугубо политических забастовок, получивших название “демонстративно-политических”: “Поводами демонстративно-политических забастовок в 1912 г. выступали: события на Ленских приисках, события на Нерчинской каторге, приговор над севастопольскими матросами, выборы в Государственную Думу, страховые законы 23 июня 1912 г. (рабочие не хотели делать взносы в больничные кассы) и прочее. Участвовали в политических забастовках, как и следовало ожидать, главным образом, пролетарии С.-Петербурга и отчасти Москвы. Провинция проявляла значительно меньшую склонность к забастовкам этого рода” [Свод

отчетов 1913, с. LXXVIII]. Все это красноречиво свидетельствует о том, кто являлся застрельщиком забастовок.

Таким образом, относительная депривация хорошо объясняет рост протестных движений в пореформенной России и особенно в период Первой мировой войны, когда депривация стала двойной, или прогрессирующей, — относительно претензий и относительно довоенного положения [Миронов 2013, с. 192–198]. Растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу, что оказалось особенно болезненным. Здесь мы встречаемся с примером, идеально подходящим под теорию революции “J-кривая” Дж. Дэвиса [Davies 1971].

Людей, недовольных своим материальным положением, во все времена и во всех странах немало. И Россия, разумеется, не исключение. Жалобы на материальные затруднения со стороны рабочих, как правило, обуславливались не полуголодным существованием. Пролетариев, как и другие социальные группы, начал волновать не только уровень, но и качество жизни, их духовные потребности стали обгонять их возможности, так как даже в “простом” человеке росло чувство личности и самоуважения. Они стали жаловаться не только на низкие заработки и длинный трудовой день, как до Великих реформ, но и на грубость мастеров, других представителей фабричной администрации, на применение физической силы и употребление мата, на сексуальные домогательства к работницам, на обращение к рабочим на “ты”, на отношение к ним “как к детям”, “рабам”, “крепостным” или “вещам” [Нюбергер 1997; Стейнберг 1997]. В таблице 5 представлены данные о жалобах рабочих “на дурное обращение и побои” по классификации фабричной инспекции за 1901–1913 гг.

Таблица 5

Жалобы рабочих на “дурное обращение” в 1901–1913 гг.

Показатели	1901– 1904 гг.	1905– 1907 гг.	1908– 1910 гг.	1911– 1913 гг.
Число поводов в жалобах, тыс.	62,6	238,4	128,3	218,4
Жалобы на дурное обращение, тыс.	2,134	7,622	5,283	14,011
В том числе обоснованных, тыс.	1,741	4,087	2,642	—
Жалобы на дурное обращение, %	3,4	3,2	4,1	6,4
В том числе обоснованных, %	81,6	53,6	50,0	—
Число рабочих на конец года, тыс.	1733,9	1821,4	1924,8	2174,0
Доля пожаловавшихся рабочих, %	3,6	13,1	6,700	10,0
Номинальная годовая зарплата рабочих, руб.	201	218	232	248
Номинальная поденная оплата рабочих, коп.	139	146	145	178

Источник: [Свод отчетов 1903–1914].

Всего за 13 лет число жалоб “на дурное обращение” выросло абсолютно в 3,5 раза, а с учетом изменения численности рабочих (на 1000 человек) — в 2,8 раза; доля жалоб “на дурное обращение” в общем числе жалоб — почти в 2 раза (с 3,4% в 1901–1904 гг. до 6,4% в 1911–1913 гг.). И это несмотря на гуманизацию отношений между администрацией и рабочими! “Случаи побоев в настоящее время сравнительно редки, — свидетельствовал фабричный инспектор в 1911 г. — Ручная расправа отходит постепенно в область преданий” [Гвоздев 1911, с. 119]. Поэтому доля обоснованных, по мнению фабричной инспекции, жалоб упала с 81,6% в 1901–1904 гг. до 50% в 1908–1910 гг. Отмечу также, что рабочие обращались с теми же жалобами не только к фабричным инспекторам, но и в мировые суды. И в том, и в другом случае явно проявлялось стремление добиться уважения к себе как личности [Миронов 2014–2015, т. 1, с. 437–439; Нюбергер 1997, с. 254–268; Стейнберг 1997, с. 96–113; Хеймсон 1997, с. 28–54].

В 1903 г. рабочий П. Тимофеев писал в журнале “Русское богатство”: “Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуважения не были в то время (15 лет

назад. — *Б.М.*) так развиты в русском рабочем, как теперь. Тогда имело значение только одно — заработок... Теперь вместе с хорошим заработком современный рабочий требует также и хорошего образования; и достаточно мастеру замахнуть на рабочего рукой или толкнуть его, как мгновенно, как бы от электрического тока, вспыхивает вся мастерская, и пламя ее нередко зажигает весь завод. В летописях русской промышленности последнего времени найдется немало забастовок и бунтов, первоначальной причиной которых было оскорбление действием рабочего со стороны мастера” [*Тимофеев* 2000, с. 775]. По причине “неудовольствия на личный персонал заводууправления” зафиксировано в среднем за 1895—1904 гг. 77 стачек в год, в 1905—1907 гг.— 131, в 1912—1914 гг.— 85, в них принимали участие — соответственно, 41,0; 43,8 и 32,3 тыс. рабочих [*Варзар* 1905, с. 52; *Варзар* 1910, с. 47; Свод отчетов 1914, с. LXXIX; Свод отчетов 1915, с. LXXI]. Примерно для трети этих стачек непосредственная причина — “дурное обращение” (в 1895—1904 гг. 29 из 77) [*Варзар* 1905, с. 52; *Коробков* 2003, с. 102].

Неудивительно, что изменения уровня жизни и протестного движения не были взаимообусловлены. В 1895—1913 гг. не существовало тесной зависимости между стачечным движением, с одной стороны, и экономической конъюнктурой и материальным положением рабочих — с другой. Кроме роста чувства личности большую роль в их поведении играли особенности массового сознания, существенно лимитировавшие пределы влияния на них как экономического фактора, так и политических партий [*Бовыкин, Бородкин, Кирьянов* 1986, с. 76; *Бородкин, Кирьянов* 1992, с. 62; *Хеймсон, Бриан* 1992, с. 79—113; *Хеймсон, Петруша* 1985, с. 112—137].

Вовлечение рабочих в политическую борьбу

Впреки ожиданиям, в начале XX в. обнаружилась тенденция к понижению трудовой дисциплины: в 1901—1904 гг. в среднем на одного рабочего приходилось, как минимум, 2,22 нарушения в год, а в 1910—1913 гг. — 2,50 [*Миронов* 1999, с. 278]. Чем это можно объяснить, учитывая, что объективно положение рабочих постепенно улучшалось? Общественность возбуждала и подталкивала рабочих к активной экономической и политической борьбе ради улучшения их положения, одновременно посредством рабочего движения оказывая давление на правительство в целях решения своих политических задач. Наглядный пример дает история так называемого Кровавого воскресенья. “Освобожденцы” (члены либерально-демократической партии “Союз освобождения”), социал-демократы и эсеры установили контакты с Г. Гапоном и другими руководителями “Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга”, убедили их внести политические требования в готовившуюся петицию к царю: созыв Учредительного собрания, прекращение войны, отделение церкви от государства и прочее, придавшие ей революционный характер и исключавшие возможность принятия ее царем [*Потолов* 1997, с. 530—541]. Во время шествия 9 января большевики выступили с лозунгом “Долой самодержавие” и подняли красный флаг. Эсеры по ходу шествия устраивали беспорядки, рвали телеграфные провода и рубили столбы, строили баррикады, громили оружейные магазины и вооружали народ. С очевидной целью спровоцировать столкновение и вызвать стихийный бунт они подтолкнули шедшую к Зимнему дворцу толпу приблизиться к охранявшим его солдатам на расстояние, когда по воинскому уставу следовало после предупредительных выстрелов открыть огонь на поражение [*Гапон* 1926, с. 93; *Гончаров* 1932, с. 144—174; Доклад... 1922, с. 330—338; *Невский* 1922, с. 13—74].

Трагические события 9 января всколыхнули всю страну. Земства, городские думы, общественные организации осуждали правительство и поддерживали морально и финансово радикальные политические движения. Возникли студенческие беспорядки; развернулось рабочее движение, достигшее своей кульминации во Всероссийской политической стачке в октябре 1905 г. Под ее влиянием граждане России получили политические права и свободы, законодательную Государственную думу и почти всеобщее избирательное право для мужчин. Новые основные государственные законы

Российской империи, изданные Николаем II 23 апреля 1906 г., по юридической силе и содержанию были вполне аналогичны тому, что на Западе называется конституцией. Поэтому большинство дореволюционных и современных отечественных историков права и западных русистов считают их конституцией, а Государственную думу с обновленным Государственным советом – двухпалатным парламентом [Миронов 2014–2015, т. 3, с. 412–418].

Оппозиция успешно использовала организованное ею же рабочее движение и для свержения монархии. Помесячная динамика стачек хорошо иллюстрирует, как под влиянием проводимой оппозицией PR-деятельности, включая пропаганду и агитацию, изменялось настроение, а вместе с ним – и общественно-политическая активность рабочих в 1912–1917 гг. (см. табл. 6)².

Таблица 6

Экономические и политические стачки российских рабочих по месяцам в 1912–1917 гг.

Месяц	Экономические стачки					Политические стачки					Всего
	1912	1913	1914	1915	1916	1912	1913	1914	1915	1916	
Январь	20	44	52	14	128	1	100	312	6	38	389
Февраль	21	24	59	21	104	0	0	26	7	4	–
Март	28	32	66	20	61	0	3	349	6	46	2
Апрель	68	73	91	103	150	591	176	300	1	7	1
Май	132	146	343	149	153	492	281	672	13	1	3
Июнь	109	231	185	162	118	0	61	130	2	5	11
Июль	76	370	139	90	81	2	43	605	0	1	100
Август	115	96	7	26	97	0	2	2	50	7	140
Сентябрь	26	61	6	69	88	30	175	0	115	0	107
Октябрь	70	73	9	71	79	72	34	0	8	119	150
Ноябрь	46	169	8	48	51	99	154	5	6	15	–
Декабрь	21	51	4	46	57	13	5	0	1	0	–
<i>Итого</i>	732	1370	969	819	1167	1300	1034	2401	215	243	–

Источники: [Свод отчетов 1915, с. LXV, LXVIII; Статистический... 1921, с. 151–155, 160–161, 164; Стачное... 1988, с. 486; Минц 1968, с. 710].

С 1912 г. и до июля 1914 г. накал забастовочного движения нарастал, причем демонстративно-политические выступления преобладали. После объявления войны в августе 1914 г. градус протестов упал почти до нуля, что свидетельствовало не столько о “шовинистическом угаре”, охватившем массы, сколько о доверии к монарху и о легитимности режима в целом. Если бы народ действительно ненавидел режим, то ни война, ни государственная пропаганда не смогли бы вызвать настоящего патриотического подъема, наблюдавшегося в стране в течение достаточно длительного времени. Между прочим, в начале XX в. при призыве на службу процент уклонявшихся от нее в России был одним из самых низких в Европе – 3, в то время как во Франции – 4,4, в Австро-Венгрии – 7, в Германии – 10 [Редигер 1913, с. 235].

В 1915–1916 гг. число политических стачек, за некоторыми исключениями, оставалось низким. Например, в августе и сентябре 1915 г. наблюдался всплеск политической активности в связи с выборами рабочих в военно-промышленные комитеты и роспуском Государственной думы, в январе 1915, 1916 и 1917 гг. – по случаю юбилея Кровавого воскресенья, а в октябре 1915 и 1916 гг. – в память Всероссийской политической стачки 1905 г. Напротив, экономические стачки в 1915 г. возобновились

² За 1915 – январь 1917 г. в опубликованных источниках и литературе фигурируют несколько отличные и даже противоречивые данные. Я отдаю предпочтение официальным данным Министерства торговли и промышленности [Стачное... 1988].

и постепенно нарастали, но и в 1916 г. их произошло на треть меньше, чем в 1913 г. И только в январе 1917 г. произошел резкий подъем забастовочного движения – 389 стачек, в том числе 228 политических, то есть почти столько же, сколько за весь 1916 г. [Стачное... 1988, с. 482–483, 486]. В феврале 1917 г. забастовки продолжали набирать силу, а с марта пошли на убыль.

Чем обусловлен подъем рабочего движения в январе и феврале 1917 г.? До конца 1916 г. все партии, за исключением большевиков и эсеров-интернационалистов, выступали против организации каких-либо массовых выступлений как наносивших вред делу обороны. Но с конца 1916 г. они отказались от моратория и перешли к активным действиям, направленным на смену монарха и создание правительства общественного доверия ради более успешного продолжения войны. Причем самыми активными организаторами протестов стали “рабочие группы” Центрального и Петроградского военно-промышленных комитетов [Кирьянов 1992, с. 91–96, 101–102]. Несмотря на это, сила политического протеста рабочих даже в январе–феврале 1917 г. была существенно ниже, чем в 1905 г.: число политических демонстраций за 1914–1917 гг. зафиксировано почти в семь раз меньше, чем за 1901–1904 гг. [Кирьянов 1992, с. 103]. И лишь вследствие того, что почти все политические демонстрации в стране переместились в Петроград и Москву, где концентрировалась политическая оппозиция монархии, они стали представлять опасность для режима.

Нарастание недовольства не было повсеместным – оно наблюдалось лишь в столицах и нескольких промышленных центрах, где концентрировалась оппозиция и проводились массовые PR-кампании. За 1915 г. в 22 из 44 губерний, охваченных учетом, число стачек за год не превышало 10, а в 10 губерниях – 5. На три губернии – Петроградскую, Московскую и Владимирскую – пришлось 81% всех забастовщиков, в том числе на две первые – 53%. За 1916 г. в 24 из 45 губерний число стачек не превышало 5, а 74,4% всех забастовщиков приходилось на Петроградскую, Московскую, Владимирскую и Костромскую губернии, в том числе на первые две – 52,3% [Статистический... 1921, с. 151,161]. В январе 1917 г. лишь в 20 из 50 губерний Европейской России зафиксированы стачки. При этом 57% всех стачек и 75% политических стачек произошли в Петроградской и Московской губерниях, то есть фактически в столицах [Стачное... 1988, с. 482–483]. С 1 января по 23 февраля 1917 г. 97% политических демонстраций (32 из 33) также были в Петрограде и Москве [Кирьянов 1992, с. 104–105; Лейберов 1979, с. 25]. В двух столицах накануне войны проживало около 3,8 млн человек, в 45 губерниях – около 120 млн (см. табл. 7). Следовательно, *Петроград и Москва с окрестностями по накалу забастовочного движения превосходили средний российский уровень примерно в 18 раз*. Это давно отмечено историками [Лейберов 1979, с. 24–52; Шаццло 1982, с. 331]).

Таблица 7

Численность бастовавших рабочих по губерниям в 1915 – январе 1917 г.

Губерния	1915 г.		1916 г.		Январь 1917 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петроградская	130 126	24,1	361 867	38,2	103 276	42,3
Московская	155 846	28,9	133 629	14,1	53 857	22,1
Владимирская	151 796	28,1	120 028	12,7	16 918	6,9
Костромская	26 622	4,9	89 394	9,4	8 464	3,5
Харьковская	5 970	1,1	42 593	4,5	14 887	6,1
Орловская	2 287	0,4	29 264	3,1	95	0,0
Тверская	6 993	1,3	30 206	3,2	2 335	1,0
Эстляндская	10 030	1,9	26 365	2,8	8 735	3,6
По 8 губерниям	489 670	90,8	833 346	87,9	208 567	85,4
По 45 губерниям	539 280	100,0	947 891	100	244 144	100,0

Источники: [Статистический... 1921, с. 151, 161; Стачное...1988, с. 482–483].

Главный фактор всплеска рабочего движения в январе–феврале 1917 г. – возросшая политическая активность оппозиции, решившейся на свержение монархии [Миронов 2014–2015, т. 2, с. 775–812]. Этому способствовали объективные социально-экономические факторы (тяготы военного времени, усталость от войны, неудачи на фронте и др.), психологическая предрасположенность пролетариев к радикализму, агрессивности, манипулирование неграмотными и малообразованными людьми со стороны вождей оппозиции.

Все вышеизложенное подводит к выводу, что российские рабочие не смогли сыграть роль революционного авангарда и гегемона в революционном движении. В силу ряда социальных, экономических, культурных и психологических факторов они не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением. Зато антиправительственные политические силы (и либеральные, и социалистические) весьма эффективно использовали рабочих как революционный таран. В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у рабочих сформировалось конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние фрустрации – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние, что часто выливалось в агрессивное поведение. Радикализм и агрессивность пролетариев объяснялись не только социально-экономическими, но и демографическими и психологическими факторами – неблагоприятными половозрастной и семейной структурами, относительной депривацией и фрустрированностью.

В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у рабочих сформировалось конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние фрустрации. Как фрустрированные люди они легко вовлекались в политические движения протестного характера, становясь легкой добычей разных политических и религиозных пророков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берви–(Флеровский) В. В. (1938) Положение рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз.
- Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. (1986) Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (опыт корреляционного анализа) // История СССР. № 6. С. 68–80.
- Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. (1992) Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX – начале XX в. // Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука. С. 40–78.
- Булдаков В. П., Михайлов И. В. (1989) Октябрьская революция: К критике методологических основ немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография: Критический анализ. М.: Наука. С. 347–368.
- Варзар В. Е. (1910) Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб.: Тип. В. Киришбаума.
- Варзар В. Е. (1905) Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 года. СПб.: тип. В. Киришбаума
- Гапон Г.А. (1926) История моей жизни. Л.: Прибой.
- Гвоздев С. (Клепиков А. К.) (1911) Записки фабричного инспектора (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Гончаров В. (1932) Январские дни 1905 г. в Петербурге // Каторга и ссылка. № 1. С. 144–174.
- Грунт А. Я. (1970) Московский пролетариат в 1917 г. // Исторические записки. Т. 85. С. 67–111.
- Дементьев Е. М. (1897) Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°.
- Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887–1926 гг.) / Под ред. В.А. Базарова и др. Т. 1: Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год. Ч. 1. (1929). М.; Л.: Гос. изд-во.
- Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9 января (1922) // Красная летопись. № 1. С. 330–338.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). Краткий курс (1954). М.: Государственное издательство политической литературы.

- История Коммунистической партии Советского Союза (1960). М.: Политиздат.
- История СССР. Первая серия. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 6 т. Т. 6. (1968) М.: Наука.
- Казанцев Б. Н. (1976) Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX века (40–50-е годы). М.: Наука.
- Каминский Л. С. (1987) Смертность и семейное состояние населения // Советская демография за 70 лет: из истории науки. М.: Наука. С. 229–238.
- Кириянов Ю. И. (1992) Демонстрации рабочих в 1914 – феврале 1917 г. // Рабочий класс капиталистической России. М.: ИНИОН. С. 67–109.
- Кириянов Ю. И. (1979) Жизненный уровень рабочих России (конец XIX–начало XX вв.). М.: Наука.
- Кириянов Ю. И. (2005) Социально-политический протест рабочих в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Клейнборг Л. (1913) Вопросы чести и совести в рабочей среде // Современный мир. № 4. С. 22–45.
- Коробков Ю. Д. (2003) Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Слово.
- Крузе Э. Э. (1976) Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л.: Наука.
- Лейберов И. П. (1979) На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февр. революции (июль 1914 – март 1917 гг.). М.: Мысль.
- Леонтьев В. В. (1912) Об изучении положения рабочих: Приемы исследования и материалы. СПб.: тип. М. Волковича.
- Мендельсон Л. А. (1959) Теория и история экономических кризисов и циклов: в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Соцэкгиз.
- Минц И. И. (1967) История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. М.: Наука.
- Минц И. И. (1968) История Великого Октября: в 3 т. Т. 2. М.: Наука.
- Миронов Б. Н. (1999) “Послал Бог работу, да отнял черт охоту”: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история, 1998/1999. Ежегодник. С. 244–283.
- Миронов Б. Н. (2014–2015) Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т.
- Миронов Б. Н. (2013) Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир.
- Народное хозяйство Союза ССР в цифрах (1924) М.: Тип. МКХ.
- Невский В. И. (1922) Январские дни в Петербурге 1905 года // Красная летопись. № 1. С. 13–74.
- Ньюбергер Дж. (1997) Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917 г. СПб.: Блиц. С. 254–268.
- Общий свод (1905) по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. В 2 т. Т. 1. (1905) СПб.: Н.Л. Ныркин.
- Орчакова Л. Г. (2008) Анархисты в политической жизни России (1903–1928 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. М.: Московский педагогический государственный университет.
- Погожев А. В. (1906) Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб.: Тип. Акад. наук.
- Полянская Ю. М. (2004) “Классические маргиналы” в социальной структуре Москвы 1861–1914 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М.: Московский педагогический государственный университет.
- Потолов С. И. (1997) Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг. “Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга” // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917. СПб.: БЛИЦ. С. 530–541.
- Пушкарева И. М. (2002) Перспективы изучения рабочего движения в России в свете новых концепций // Труды Института российской истории РАН. Вып. 3. С. 68–109.
- Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. (1989) М.: Наука.
- Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 г. (1982) М.: Наука.
- Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. (1905) СПб.: Н.Л. Ныркин.
- Рашин А. Г. (1940) Формирование промышленного пролетариата в России: статистико-экономические очерки. М.: Соцэкгиз.
- Рашин А. Г. (1958) Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки. М.: Соцэкгиз.
- Редигер А. Ф. (1913) Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1. СПб.: Тип. Николаевской военной академии.

Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии (1894, 1896) Вып. 1, 2. Смоленск: Смоленское губернское земство.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 4, ч. 2. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. (1893). М.: Московское губернское земство.

Свод отчетов (1903) фабричных инспекторов за 1901 год. СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год (1910) СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 год (1910) СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год (1911) СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год (1912) СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год (1913) СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год (1914) СПб.: Министерство финансов, Отдел промышленности.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год (1915) Петроград: тип. В.Ф. Киршбаума.

Святополк-Мирский П. Д. (1936) Доклад товарища министра вн. дел П.Д. Святополк-Мирского Николаю II о причинах и характере волнений рабочих Никольской мануфактуры, Обуховского, Невского и Балтийского судостроительных и Александровского механического заводов в мае 1901 г. // Красный архив. № 3. С. 49–66.

Статистический ежегодник, 1918–1920 гг.: в 2 вып. Вып. 1. (1921) М.: 14-я гос. тип.

Статистический ежегодник, 1918–1920 гг.: в 2 вып. Вып. 2. (1922) М.: 14-я гос. тип.

Статистический сборник за 1913–1917 гг.: в 2 вып. Вып. 1. (1921) М.: 14-я гос. тип.

Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны (1988). Вып. 3–4. М.: Ин-т истории СССР.

Стейнберг М. Д. (1997) Представление о личности в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г. СПб.: Блиц. С. 96–113.

Тимофеев П. (2000) Чем живет заводской рабочий // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института. С. 744–779.

Труд в СССР: Справочник 1926–30 гг. (1930) М.: Изд-во Планхозгиз.

Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX веков (2011) СПб.: Алетейя.

Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. (Труды ЦСУ. Т. XXVI). Вып. 1–2. Промышленная перепись. (1926) М.: ЦСУ.

Фельдман М. А. (2006) Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900–1917 годах: историографические проблемы // История в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск: Каменный пояс. С. 297–311.

Хеймсон Л. (1997) К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: Роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. СПб.: БЛИЦ. С. 28–54.

Хеймсон Л., Бриан Э. (1992) Стачечное движение России во время Первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука. С. 79–113.

Хеймсон Л., Петруша П. (1985) Опыт математико-статистического исследования данных “Свода отчетов фабричных инспекторов” о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М.: Наука. С. 112–137.

Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: в 2 т. Т. 1. (1906) СПб.: Н.Л. Ныркин.

Шацилло К. Ф. (1982) Рабочее движение в годы Первой мировой войны // Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 г. М.: Наука.

Davies J. C. (1971) When Men Revolt and Why. New York: Free Press.

Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970 (1975): In 2 pts. Pt. 1. Washington (D.C.): U.S. Department of Commerce.

Mitchell B. R. (1976) *European Historical Statistics, 1750–1970*. New York: Columbia Univ. Press.
Neuberger J. (1993) *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley: Univ. of California Press.

The Russian Proletariat at the End of the 19th and Beginning of the 20th Centuries – Revolutionary Vanguard, Hegemon, or Marginal Actor?

B. MIRONOV*

*Mironov Boris – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Saint-Petersburg State University. Address: Mendeleevskaya liniya, bld. 5, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: bmironov@mail.wplus.net

Abstract

Due to a low cultural level, the workers could not play the role of the revolutionary vanguard and hegemon in the revolutionary movement. But they became easy prey for radicals and revolutionaries, who mobilized the proletariat as a solution for their political program. The proletariat's radicalism and aggressiveness had demographic and psychological origins—unfavorable gender, age, and family structure and a state of frustration. There were six times as many men as women; the age profile was slanted in favor of youth; almost half of men and two-thirds of women were not married. Because of the imbalance of the sexes, workers were preoccupied with sex, angry, and dissatisfied with life because in a country where family and children were highly valued, many people had neither one nor the other. In a situation where the satisfaction of fundamental, basic needs was a real impossibility, workers developed a conflictual, negative emotional state of frustration—dissatisfaction, disappointment, fear, irritation and even despair, which often manifested as aggressive behavior directed against a real or imaginary source. As frustrated people they easily involved themselves in political protest movements, becoming easy prey to various political and religious prophets, who sympathized with them and promised a quick change in their lives for the better, if they would follow their principles and appeals.

Keywords: Russian proletariat; estate composition of workers; gender and age structure; labor movement; complaints; strikes; Russian Revolution of 1917; manipulation of public opinion; Bolsheviks.

REFERENCES

- Bervi-(Flerovskiy) V.V. (1938) *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii* [State of the Workers' Class at Russia]. Moscow: Sotsekgiz.
- Borodkin L.I., Kir'yanov Yu. I. (1992) Vliyanie razlichnykh faktorov sotsial'nogo, ekonomicheskogo i politicheskogo kharaktera na rabochee dvizhenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Influence of various factors of social, economic and political nature in the working-class movement in Russia at the end of the early XX century]. *Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv.: Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Russia and the USA at the edge of XIX – XX centuries: Mathematical methods at historical studies]. Moscow: Nauka, pp. 40–78.
- Bovykin V.I., Borodkin L.I., Kir'yanov Yu.I. (1986) Stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1895–1913 gody: struktura i svyazi s razvitiem promyshlennosti i izmeneniem ekonomicheskogo polozheniya proletariata (opyt korrelyatsionnogo analiza) [Strike movement in Russia, 1895–1913: The structure and its relativity with the development of industry and changes in the economic situation of the proletariat (the experience of the correlation analysis)]. *Istoriya SSSR*, no. 6, pp. 68–80.
- Buldakov V.P., Mikhaylov I.V. (1989) Oktyabr'skaya revolyutsiya: K kritike metodologicheskikh osnov nemarksistskoy istoriografii [The October Revolution: A Critique of methodological foundations of non-Marxist historiography]. *Sovremennaya zarubezhnaya nemarksistskaya istoriografiya: Kriticheskiy analiz* [Modern foreign non-Marxist historiography: A critical approach]. Moscow: Nauka, pp. 347–368.
- Chislennost' i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleeniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 2 t. T. 1. (1906) [The number and composition of working in Russia on

the basis of the first general census of the Russian Empire in 1897: In 2 Vols. Vol. 1]. Saint-Petersburg: N.L. Nyrkin.

Dement'ev E.M. (1897) *Fabrika, chto ona daet naseleniyu i chto ona u nego beret* [Factory, what it gives the public and that it takes from him]. Moscow: tipo-litography tovarischestva I.N. Kushnereva i Kompanii.

Dinamika rossiyskoy i sovetskoy promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozyaystva za 40 let (1887–1926 gg.). T. 1: Svod statisticheskikh dannyykh po fabrichno-zavodskoy promyshlennosti s 1887 po 1926 god. Ch. 1 (1929) [The dynamics of the Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for 40 years. Vol. 1: Summary of statistical data on the manufacturing industry from 1887 to 1926, part 1]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Doklad direktora Departamenta politzii Lopukhina ministru vnutrennikh del o sobyitiyakh 9 yanvarya [Director of the Police Department Lopuchin Report to the Minister of Interior about the events on January 9]. *Krasnaya letopis'*, no. 1, pp. 330–338.

Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' v period 1913–1918 gg. (Trudy TsSU, vol. XXVI). Vyp. 1–2. Promyshlennaya perepis' (1926) [Factory Industry for the period 1913–1918 gg. (Proceedings of the CSB. Vol. XXVI). Edition 1–2. Industrial Census]. M.: TsSU.

Fel'dman M.A. (2006) Sotsiokul'turnyy oblik rabochikh ural'skoy promyshlennosti v 1900–1917 godakh: istoriograficheskie problem [Socio-cultural face of the workers of the Ural industry in 1900–1917]. *Istoriya v menyayushchemsya prostranstve rossiyskoy kul'tury* [History at the changing landscape of Russian culture]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, pp. 297–311.

Gapon G.A. (1926) *Istoriya moey zhizni* [The story of my life]. Leningrad: Priboy.

Goncharov V. (1932) Yanvarskie dni 1905 g. v Peterburge [Days of January, 1905 at Saint-Petersburg]. *Katorga i ssylka*, no. 1, pp. 144–174.

Grunt A. Ya. (1970) Moskovskiy proletariat v 1917 g. [The Moscow proletariat in 1917]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 85, pp. 67–111.

Gvozdev S. (Klepikov A. K.) (1911) *Zapiski fabrichnogo inspektora: (Iz nablyudeniyy i praktiki v period 1894–1908 gg.)* [Notes of a factory inspector: (From observation and practice in the period 1894–1908 gg.)]. Moscow: S. Dorovatovskiy i A. Charushnikov.

Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: In 2 pts. Pt. 1. (1975) Washington (D.C.): U.S. Department of Commerce.

Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz (1960) [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs (1954) [History of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks). Short course] Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Istoriya SSSR. Pervaya seriya. S drevneyshikh vremen do Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii: v 6 t, t. 6 (1968) [The History of the USSR. First episode. From ancient times to the Great October Socialist Revolution: In 6 vols, vol. 6]. Moscow: Nauka.

Kaminskiy L.S. (1987) Smertnost' i semeynoe sostoyanie naseleniya [Mortality and marital status of the population]. *Sovetskaya demografiya za 70 let: iz istorii nauki* [70 years of the Soviet demography: from history of the science]. Moscow: Nauka, pp. 229–238.

Kazantsev B.N. (1976) *Rabochie Moskvy i Moskovskoy gubernii v seredine XIX veka (40–50-e gody)* [The workers of Moscow and Moscow Province in the middle of the XIX century (40–50's years)]. Moscow: Nauka.

Kheymsen L. (1997) K voprosu o politicheskoy i sotsial'noy identifikatsii rabochikh Rossii v kontse XIX–nachale KhKh v.: Rol' obshchestvennykh predstavleniy v otnosheniyakh uchastnikov rabocheho dvizheniya s sotsial-demokraticheskoy intelligentsiyey [On the question of political and social identification of the workers of Russia in the late XIX-early XX century: The role of public relations concepts in the labor movement with the Social-Democratic intelligentsia]. *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy* [Russian workers and intelligentsia at the age of reforms]. Saint-Petersburg: Blits, pp. 28–54.

Kheymsen L., Brian E. (1992) Stachechnoe dvizhenie Rossii vo vremya Pervoy mirovoy voyny: kolichestvennyy analiz i interpretatsiya [The strike movement in Russia during World War I: quantitative analysis and interpretation]. *Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv.: Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Russia and the USA on the eve of XIX–XX centuries: Mathematical methods use at historical studies]. Moscow: Nauka, pp. 79–113.

Kheymsen L., Petrusha P. (1985) Opyt matematiko-statisticheskogo issledovaniya dannyykh «Svoda otchetov fabrichnykh inspektorov» o stachkakh rabochikh v Rossii v 1912–1914 gg. [Experience mathematical-statistical research data “Body of factory inspectors reports” about the strike of the workers

in Russia in 1912–1914]. *Matematicheskie metody i EVM v istoricheskikh issledovaniyakh* [Mathematical methods and PC's at the historical studies]. Moscow: Nauka, pp. 112–137.

Kir'yanov Yu. I. (1992) Demonstratsii rabochikh v 1914 – fevrale 1917 g. [Demonstration of workers in 1914 – February 1917]. *Rabochiy klass kapitalisticheskoy Rossii* [The working class at the capitalist Russia]. Moscow: INION, pp. 67–109.

Kir'yanov Yu. I. (2005) *Sotsial'no-politicheskiy protest rabochikh v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.)* [Social-political protest of Russian workers during the First World War (July, 1914 – February, 1917)]. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN.

Kir'yanov Yu.I. (1979) *Zhiznenny uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The Russian workers' standard of living (end of XIX – beginning of XX centuries)]. Moscow: Nauka.

Kleynbort L. (1913) Voprosy chesti i sovesti v rabochey srede [Questions of honor and conscience in the workers' environment]. *Sovremennyy mir*, no. 4, pp. 22–45.

Korobkov Yu.D. (2003) *Sotsiokul'turnyy oblik rabochikh gornozavodskogo Urala (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Socio-cultural image of the mining workers of the Urals (second half of XIX – early XX century)]. Moscow: Slovo.

Kruze E.E. (1976) *Polozhenie rabochego klassa Rossii v 1900–1914 gg.* [State of the working class in Russia, 1900–1914]. Leningrad: Nauka.

Leont'ev V.V. (1912) *Ob izuchenii polozheniya rabochikh: Priemy issledovaniya i materialy* [On studying of the workers' state: study techniques and materials]. Saint-Petersburg: Tip. M. Volkovicha.

Leyberov I.P. (1979) *Na shturm samoderzhaviya: Petrogradskiy proletariat v gody pervoy mirovoy voyny i Fevr. revolyutsii (iyul' 1914 – mart 1917 gg.)* [To the assault on the autocracy: the Petrograd proletariat during the First World War and the February. Revolution (July 1914 – March 1917)]. Moscow: Mysl'.

Mendel'son L.A. (1959) *Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov v 2 t. T. 2* [Theory and history of economic crises and cycles: In 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Sotsekgiz.

Mints I.I. (1967) *Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3 t. T. 1* [The history of the Great October Revolution: In 3 vols, vol. 1]. Moscow: Nauka.

Mints I. I. (1968) *Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3 t. T. 2* [The history of the Great October Revolution: In 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Nauka.

Mitchell B.R. (1976) *European Historical Statistics, 1750–1970*. New York: Columbia Univ. Press.

Mironov B.N. (1999) “Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu”: trudovaya etika rossiyskikh rabochikh v poreformnoe vremya [“God sent the work took so damn hunt”: the work ethic of the Russian workers in the reform era]. *Sotsial'naya istoriya*, 1998/1999, pp. 244–283.

Mironov B. N. (2013) *Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii* [Passion for the revolution: Morals in Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir.

Mironov B.N. (2014–2015) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. T. 1* [Russian Empire: from tradition to modernity: In 3 vols, vol. 1]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Narodnoe khozyaystvo Soyuza SSR v tsifrakh (1924) [The USSR economy at figures] Moscow: Tip. MKKh.

Nevskiy V.I. (1922) Yanvarskie dni v Peterburge 1905 goda [The January days at St. Petersburg, 1905]. *Krasnaya letopis'*, no. 1, pp. 13–74.

Neuberger J. (1993) *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley: Univ. of California Press.

Neuberger J. (1997) Vlast' slova: Rabochie protiv khozyaev v mirovykh sudakh [The power of words. Working against the hosts in the magistrates' courts]. *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy 1861 – fevral' 1917 g.* [Russian workers and intelligentsia at the age of reforms and revolutions, 1861 – February, 1917]. Saint-Petersburg: Blits, p. 254–268.

Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 g. (1905): V 2 t. T. 1 [Common set of results for the Empire design data of the first national census, produced on January 28, 1897: In 2 vols. Vol. 1] (1905) Saint-Petersburg: N.L. Nyrkin.

Orchakova L.G. (2008) *Anarkhisty v politicheskoy zhizni Rossii (1903–1928 gg.): diss. ... dokt. ist. nauk* [Anarchists in the political life of Russia (1903–1928 gg.): Dissertation on the Doctor of Historical Sciences degree]. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet.

Pogozhev A.V. (1906) *Uchet chislennosti i sostava rabochikh v Rossii: Materialy po statistike truda* [The account number and composition of the workers in Russia: Materials of Labor Statistics]. Saint-Petersburg: tip. Akad. nauk.

Polyanskaya Yu.M. (2004) *“Klassicheskie marginaly” v sotsial'noy strukture Moskvy 1861–1914 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [“Classic marginals” in the social structure of Moscow, 1861–1914: Dissertation on the Candidate of Historical Sciences degree]. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet.

Potolov S.I. (1997) Peterburgskie rabochie i intelligentsiya nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. “So-branie russkikh fabrichno-zavodskikh rabochikh g. S.-Peterburga” [St.-Petersburg workers and intellectu-als on the eve of the revolution of 1905–1907. “Assembly of Russian Factory Workers of St. Petersburg”]. *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy. 1861 – fevral’ 1917* [Russian workers and intel-ligencija at the age of reforms and revolution]. St.-Petersburg: Blits, pp. 530–541.

Pushkareva I. M. (2002) Perspektivy izucheniya rabocheho dvizheniya v Rossii v svete novykh kont-septsiy [Prospects for the study of the labor movement in Russia in the light of new concepts]. *Trudy In-stituta rossiyskoy istorii RAN. Vyp. 3*. Moscow: IRI RAN, pp. 68–109.

Rabochiy klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v. (1989) [The working class of Russia from the origin to the beginning of the XX century]. Moscow: Nauka.

Rabochiy klass Rossii, 1907 – fevral’ 1917 g. (1982) [The working class of Russia, 1907 – February 1917]. Moscow: Nauka.

Raspredelenie rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dan-nykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 28 yanvarya 1897 g. (1905) [Distribution workers and workers on occupational groups and place of birth on the basis of the first general census of the Russian Empire, January 28, 1897]. Saint-Petersburg: N.L. Nyrkin.

Rashin A.G. (1940) *Formirovanie promyshlennogo proletariata v Rossii: statistiko-ekonomicheskie ocher-ki* [The formation of an industrial proletariat in Russia: statistical and economic essays]. Moscow: Gosu-darstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo.

Rashin A.G. (1958) *Formirovanie rabocheho klassa Rossii: historical-economical ocherki* [Formation of the working class in Russia: Historical-economical essays]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-eko-nomicheskoe izdatel’stvo.

Rediger A.F. (1913) *Komplektovanie i ustroystvo vooruzhennoy sily. Ch. 1* [Acquisition of equipment and the armed forces]. Saint-Petersburg: Tip. Nikolaevskoy voennoy akademii.

Sanitarnoe issledovanie fabrik i zavodov Smolenskoj gubernii (1894, 1896) Vyp. 1, 2 [The sanitary survey of mills and factories of Smolensk province (1894, 1896) Editions 1st, 2nd]. Smolensk: Smolensk-oe gubernskoe zemstvo.

Sbornik statisticheskikh svedeniy po Moskovskoy gubernii. T. 4, ch. 2. Obshchaya svodka po sani-tarnym issledovaniyam fabrichnykh zavedeniy Moskovskoy gubernii za 1879–1885 gg. (1893) [The col-lection of statistical information on the Moscow province. T. 4 hours. 2. Overall summary of health re-search institutes Moscow province factory, 1879–1885 years]. Moscow: Moskovskoe gubernskoe zemstvo.

Shatsillo K. F. (1982) Rabochee dvizhenie v gody Pervoy mirovoy voyny [The labor movement during the First World War]. *Rabochiy klass Rossii, 1907 – fevral’ 1917* [The Russian working class, 1905 – Feb-ruary 1917]. Moscow: Nauka.

Stachechnoe dvizhenie rabochikh Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1988), vyp. 3–4 [The strike movement of the workers in Russia during the First World War. Vols. 3–4.]. Moscow: Institut istorii SSSR.

Statisticheskij ezhegodnik, 1918–1920 gg.: V 2 vyp. Vyp. 1. (1921) [Statistical Yearbook, 1918–1920 .: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: 14-ya gos. tip.

Statisticheskij ezhegodnik, 1918–1920 gg.: v 2 vyp. Vyp. 2 (1922) [Statistical Yearbook, 1918–1920: In 2 vols. Vol. 2]. Moscow: 14-ya gos. tip.

Statisticheskij sbornik za 1913–1917 gg.: v 2 vyp. Vyp. 1 (1921) [Statistical Yearbook, 1913–1917: In 2 vols. Vol. 1]. M.: 14-ya gos. tip.

Steynberg M.D. (1997) Predstavlenie o lichnosti v srede rabochikh intelligentov [The idea of the per-sonality among working intellectuals and intelligentsia]. *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy: 1861 – fevral’ 1917 g.* [Russian workers and intelligencija at the age of reforms and revolution, 1861 – February 1917]. Saint-Petersburg: Blits, pp. 96–113.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1901 god (1903) [Factory inspectors reports for the year 1901]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1908 god. (1910) [Factory inspectors reports for the year 1908]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1909 god. (1910) [Factory inspectors reports for the year 1909]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1910 god. (1911) [Factory inspectors reports for the year 1910]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1911 god. (1912) [Factory inspectors reports for the year 1910]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1912 god. (1913) [Factory inspectors reports for the year 1912]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1913 god. (1914) [Factory inspectors reports for the year 1913]. Saint-Petersburg: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1914 god. (1915) [Factory inspectors reports for the year 1913]. Petrograd: M-vo fin. Otdel prom-sti.

Svyatopolk-Mirskiy P. D. (1936) Doklad tovarishcha ministra vn. del P.D. Svyatopolk-Mirskogo Nikolayu II o prichinakh i kharaktere volneniy rabochikh Nikol'skoy manufakturny, Obukhovskogo, Nevskogo i Baltiyskogo sudostroitel'nykh i Aleksandrovskogo mekhanicheskogo zavodov v mae 1901 g. [Report of the Deputy Minister ext. Affairs PD Svyatopolk-Mirsky Nicholas II on the causes and nature of the excitement of working Nikolskaya Manufactory, Obukhov, Baltic and Nevsky shipbuilding and Alexander mechanical plants in May 1901]. *Krasnyy arkhiv*, no. 3, pp. 49–66.

Timofeev P. (2000) Chem zhivet zavodskoy rabochiy [What the factory worker lives by]. *Antologiya sotsial'no-ekonomicheskoy mysli v Rossii: Dorevolyutsionnyy period* [Anthology of the Russian social-economical thought: Pre-revolutional period]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo institute, pp. 744–779.

Trud v SSSR: Spravochnik 1926–30 gg. (1930) [Labor in the USSR: A Handbook 1926–30 bien-nium]. Moscow: Plankhozgiz.

Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov (2011) [Labour conflicts and the labor movement in Russia at the turn of XIX–XX centuries]. St.-Petersburg: Aleteyya.

Varzar V.E. (1905) *Statisticheskie svedeniya o stachkakh rabochikh na fabrikakh i zavodakh za desyatiletie 1895–1904 goda* [Statistical information on the strike of the workers in the factories during the decade of 1895–1904 years]. St.-Petersburg: tipographia V. Kirshbauma.

Varzar V.E. (1910) *Statistika stachek rabochikh na fabrikakh i zavodakh za trekhletie 1906–1908 gg.* [Statistics of workers' strikes at the factories of the three-year period, 1906–1908]. Saint-Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.

Volobuev P.V., Gaponenko L.S. (1968) Rabochiy klass Rossii – gegemon sotsialisticheskoy revolyutsii [The Working class of Russia is a hegemon of the socialist revolution]. *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 3–20.